

Ложь

Автор:

Вероника Тришь

Ложь

Вероника Тришь

Лучшую подругу старшеклассницы Элизабет находят мертвой. Полиция сообщает, что девушка сама приняла яд, но друзья погибшей уверены в том, что это неправда. Молодым людям предстоит самим узнать истину и понять, кто совершил убийство. Но что делать, если расследованию мешают личные отношения между Элизабет и старшим братом погибшей, жестоким и эгоистичным Шоном? Как компании друзей раскрыть преступление без посторонней помощи? И что если убийца среди них?...

Глава 1

За окном идет дождь, маленькие капельки стучат по запотевшему стеклу и медленно стекают вниз...

Мне всегда нравилось такая погода: я любила сидеть на подоконнике с чашечкой кофе, наблюдая за тем, как колышутся листья, ветки прогибаются под силой ветра, а люди, скрывая свои лица за зонтами, непременно куда-то спешат. Создавалась особая атмосфера. В такие моменты время для меня останавливалось, я могла сидеть часами, погружаясь в мысли, которые, правда, исчезали так же быстро, как и появлялись, или просто слушать шум бушующей природы. Когда дождь заставлял меня на улице, я не спешила укрыться от него: поднимала голову к небу, всей грудью вдыхая аромат свежести, ловила языком водяные капли.

Она научила меня этому: радоваться дождю, солнцу, капелькам росы...

Сейчас все по-другому. Мне ненавистен этот дождь. Чувство утраты теперь становится почти осязаемым.

Ева, ты любишь дождь и именно поэтому...

Одинокая слеза пробегает по моей щеке.

Любила.

Ты слишком любила жизнь. Ничто не смогло бы тебя заставить добровольно уйти. Кого угодно, только не девочку, которая каждый вечер любит закатом, радуется пению птиц и обожает танцевать под дождем. Блеск в твоих глазах не угасал до самого последнего дня. Я ни за что не поверю, что ты убила себя.

Дрожащими руками я беру записку и перечитываю ее снова.

«Я больше так не могу. Слишком тяжело. Прости, Лиззи...

Хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя, как родную сестру. Спасибо за все!

Ева.»

У нас никогда не было друг от друга секретов. Почему ты не рассказала о том, что тебя мучает? Почему!? Что могло причинять тебе такую боль? В твоей жизни не было ни одного изъяна: доверительные отношения с родителями, настоящая дружба, взаимные чувства, отличные оценки. Даже если что-то шло не так, как нужно, ты очень редко расстраивалась, считала, что все к лучшему. Я помню.

На твое первое свидание мы вместе подбирали одежду и делали тебя макияж, наверное, часа два, но по пути к парку тебя с ног до головы облил грязью грузовик, а времени до назначенной встречи оставалось всего ничего. Тогда ты зашла к своей бабушке, дом которой находился ближе всего, приняла душ, смыла макияж и надела простенькое платьице, которое нашла на своих старых полках. По твоим словам, вечер не был испорчен, даже более того, он прошел бесподобно. Ты назвала этот день одним из самых счастливых в своей жизни...

Стук в дверь.

– Входи, – произношу я, не отводя взгляд от серого неба за окном.

Скрип дверцы, не громкие шаги, и напряженная тишина.

– Ты голодная? Может, заказать еду? – слышу я бархатный, наигранно мягкий женский голос.

– Не хочу, – отвечаю я довольно грубо.

– Ты не ела уже несколько дней...

Я поворачиваю голову.

– Это для тебя удивительно?

Мама стоит чуть ближе дверного проема: невысокая женщина с прямыми темными волосами и правильными чертами лица, в хорошо выглаженном офисном костюме, выгодно подчеркивающим все достоинства фигуры. Я очень похожа на нее внешне: лицо в точности такое же: большие глаза, высокие скулы и пухловатые губы, и телосложение одинаковое: узкие плечи, небольшая грудь, осиная талия и округлые бедра. Но не смотря на это мы с ней совершенно разные люди, с разными характерами и системой ценностей. У нее всегда была на первом месте карьера, выгода, деньги. Она оправдывает это тем, что старается ради меня, хочет, чтобы в моей жизни все было, но никак не может понять, что BMW, айфон последней марки и путевки на острова никогда не заменят материнской любви и ласки.

– Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Вы с Евой десять лет дружили. Но нужно жить дальше.

В ее голосе появляется едва слышная неконтролируемая напористость. Командный тон, выработанный за годы общения с подчиненными. У мамы свой бизнес, который передал ей мой дедушка: нефтепромышленная кампания. Нужно сказать, она успешно им управляет, но только на меня ей времени не хватает. Она считанные разы появлялась на родительском собрании, не водила

меня в парк, не помогала с уроками и не ходила со мной по магазинам одежды. Вместо этого она нанимала специальных людей: няnek и стилистов до тех пор, пока я не стала достаточно самостоятельной, чтобы справляться самой.

И сейчас она говорит мне шаблонные фразы, пытается проявить заботу, но не обнимет, не сядет рядом, не послушает шум дождя вместе со мной.

– Я должна поехать на две недели к новому месторождению для его исследования. Но останусь здесь.

– Не стоит, – говорю я, – Я в состоянии справиться сама.

– Это не обсуждается, – уверенно отвечает она.

Я пожимаю плечами.

– Как хочешь.

Мне начинает надоедать этот бессмысленный диалог.

– Через час я должна быть возле центрального кладбища. Мне нужно одеться и привести себя в порядок.

Я пристально смотрю в глаза матери. Она тихо вздыхает, бросает на меня последний взгляд и выходит из комнаты.

Я тут же жалею об этом: как только я остаюсь одна, ноющая боль затмевает все другие чувства.

Ева, я не хочу верить в то, что больше никогда тебя не увижу. Мне кажется, что ты вот-вот позвонишь мне или войдешь в дверь и начнешь весело о чем-то рассказывать. Бренден подарил цветы... Хлоя смешно ответила сделавшему ей комплимент незнакомцу... мама приготовила вкусный шоколадный торт с ванильным кремом и черникой... зайду ли я к вам в гости?...

Я качаю головой, спрыгиваю с подоконника и иду в гардеробную. Беру вешалку с первым попавшимся черным платьем и черные полусапожки, неторопливо

шагаю по направлению к ванной комнате.

Как жаль, что вода не может смыть боль.

Я не узнаю себя в зеркале. Болезненная бледность, опухшие глаза, растрепанные волосы. Но, что еще более значимо, я ничего не хочу с этим делать. Зачем?

Вернувшись в комнату, уже полностью готовая к выходу: в темно-синем расклешенном платье, собранными в косу волосами, черным ободком и нехотя нанесенными на лицо румянами и тенями, я резким движением закрываю шторы, ограждая себя от неприятного зрелища, и оглядываю комнату, пытаюсь найти ключи от машины. Я никогда их не теряла, всегда клала на место в сумку, но сегодня их там не нашла. Слишком невнимательна... рассеяна... Так нельзя. Скоро начнется учеба.

– Элизабет! – откуда-то доносится мамин голос, – За тобой приехал Шон.

Пульс резко учащается, ногти больно впиваются в ладонь.

Шон Уайт... от звука его имени по коже пробегают мурашки. Я сделала бы все, что угодно, лишь бы его сейчас не видеть.

– Какого черта, – произношу я вслух.

Ева познакомила меня со своим братом через какое-то время после того, как мы начали общаться: мне было семь, а ему десять. Сначала он отнесся ко мне равнодушно, но все изменилось в тот момент, когда я случайно испачкала тортом его рубашку. Так и началась наша вражда. Первое время он просто всем своим видом показывал свое превосходство и неприязнь ко мне: дразнил, забирал игрушки, обзывал. Но наша с Евой дружба была очень крепкая, ее противный брат не мог заставить меня проводить с ней меньше времени. Я очень часто приходила к ней домой или оставалась на ночевку. Ее родители хорошо ко мне относились, при них Шон немного затихал, ну или продолжал делать пакости, только исподтишка. Он очень любил Еву, но, тем не менее, даже ее просьбы остались не услышанными. Чуть повзрослев, Уайт стал применять другие методы: публично унижал, заставлял людей отворачиваться от меня. Я не могла понять только, за что... Он изменил меня: от доброй и мягкой девочки

не осталось ни следа. Я стала жестокой, научилась отвечать колкостями и задевать за живое, ведь только так я могла защититься. Когда Шон выпустился из школы, я выдохнула с облегчением. Ему купили квартиру, он стал жить своей жизнью, и мы виделись намного реже. Случайные встречи все же были: иногда он со мной здоровался со странной ухмылкой на лице, говорил что-то обидное, а в другой раз и вовсе не замечал. Так же мы виделись на семейных праздниках: новый год, дни рождения и любые другие торжества я отмечала с семьей Евы. Последнее: день рождения Лессы, ее мамы. В тот день Шон сел рядом со мной, из-за чего я не могла расслабиться и наслаждаться праздником. За годы общения с Уайтом у меня выработался рефлекс: всегда быть начеку рядом с ним, всегда быть готовой к нападению. Нет, это не страх, но что-то подобное. Что-то, способное вызвать адреналин и соответствующую ему реакцию тела. И Шон, уверена, прекрасно знал об этом, и пользовался. Ему доставляло удовольствие наблюдать за моей реакцией на его слова или действия.

Я спускаюсь вниз, и возникает ощущение, будто каждый шаг приближает момент чего-то неизбежного.

Он стоит возле двери, в черной рубашке и брюках, его волосы лежат в хаотичном беспорядке, вот только глаза... они холодные, пустые.

Да, он очень любил Еву. Теперь, когда я смотрю на него такого, мне жаль, что я ничем не могу помочь. На секунду я перестаю видеть в нем врага.

Шон поднимает на меня глаза, пробегает взглядом с головы до ног, отворачивается и идет к двери.

– Шевелись, Шелден, – бросает он.

– И тебе привет, – монотонно отвечаю я.

Он всегда называет меня по фамилии и никогда не разговаривает вежливо. Это стало аксиомой.

– Я говорила Лессе, что доеду сама.

– Мне плевать. Она сказала забрать тебя, что я и делаю.

У меня нет сил спорить с ним: я молча иду к черной иномарке и сажусь на переднее сидение, бросив на него выразительный взгляд. Он не любит, когда я сижу впереди. Шон никак на это не реагирует, молча заводит мотор и давит на газ.

Уайт – самый ужасный водитель, которого я знаю. Он всегда превышает скорость, поворачивает на огромной скорости и резко тормозит, но сейчас едет на удивление медленно, соблюдая все правила.

Я смотрю на него краем глаза. Отстраненный взгляд, расслабленные руки. О чем-то задумавшись, он машинально переключает скорость, давит на газ. Я думала, что он не умеет чувствовать... но оказывается, это не так. Любовь к сестре питала остатки его угасающей человечности. Что будет теперь?

Заметив боковым зрением мелькающий впереди силуэт, я резко поворачиваю голову. На дороге прямо перед машиной выкатился мяч, а за ним бежит маленькая девочка...

– Шон, там ребенок! – в панике кричу я.

Он резко жмет по тормозам, девочка застывает на месте и с испуганными глазами смотрит на нас. Ее тут же подхватывает на руки худощавая женщина, крепко прижимает дочь к груди и бормочет нам извинения, убегая с дороги.

Мое сердцебиение постепенно приходит в норму, я медленно разжимаю пальцы, крепко вцепившиеся в сумку.

Сзади гудят машины, но Шон не двигается и смотрит в пространство.

– Может лучше поведу я? – спрашиваю негромко.

– Долбанная истеричка.

Я возмущенно вскидываю брови.

– Значит, я виновата в том, что ты не смотришь на дорогу!? Ты не можешь справиться с эмоциями, но это не оправдывает того, что чертова иномарка чуть

не сбила ребенка!

– Пошла вон отсюда.

Шон пристально смотрит на меня, так, будто хочет задушить прямо в эту секунду, и этот взгляд мне знаком. Он означает, что я попала в точку, задела за больное. Только удовольствие от этого я никакого не получаю.

Злость жаждет выплеснуться наружу: я хочу высказать ему все, что думаю и выйти из этой машины, громко хлопнув дверью, но что-то мне не позволяет этого сделать.

Он больно сжимает мое запястье и наклоняется к лицу.

– Я сказал, вы-ме-тай-ся.

Сердце с бешеной скоростью колотится о грудь, мною овладевает страх, но я не собираюсь уступать. Нельзя в таком состоянии вести машину. Пусть это звучит странно, но я действительно беспокоюсь за него. Как бы Уайт ко мне не относился... он – один из самых близких людей Евы. Это ради нее.

– Хорошо, – произношу я.

Шон отпускает мою руку.

– А ты катись отсюда и не загораживай людям дорогу, – добавляю.

Теперь он будет какое-то время стоять здесь, посреди проезжей части, потому что я сказала ему ехать. И не сразу заметит пропажу.

Я выхожу из машины и иду к остановке. Уайт смотрит мне в след, даже не подозревая о том, что его ключи от машины находятся в кармане моей куртки. Я останавливаю первый попавшийся автобус и сажусь на свободное место.

До назначенного времени остался час – Шон успеет заплатить авто возу и приехать к нужному месту на такси. Да, он будет ненавидеть меня еще больше, возможно, отомстит, но зато не разобьется сегодня на машине. И я уже говорила

о том, почему меня это так волнует. Его сестра была для меня самым близким человеком.

Дождь уже прошел, но небо все еще серое. Я с грустью смотрю на мелькающие деревья и многоэтажки.

Я сделала все, что смогла, Ева. Знаю: ты терпеть не можешь наши ссоры с Шоном. Ты все эти годы пыталась помирить нас, и очень огорчалась, понимая, что совершенно бессильна. С чего зародилась эта вражда? За что десятилетний мальчик так невзлюбил маленькую подругу своей любимой сестренки и злонамеренно, из года в год разрушал ее жизнь?.. Этот вопрос так и останется без ответа. Теперь это совсем не важно, ведь наши пути больше никогда не пересекутся.

Уже переполненный автобус останавливается, внутрь входит немного сутулая пожилая женщина.

– Садитесь, – говорю я, уступая ей место.

На морщинистом лице появляется улыбка благодарности, добрые глаза старушки чуть заметно сужаются.

Через несколько остановок я выхожу на улицу. Духота общественного транспорта сменяется влажной свежестью, дышать становится легче. Напротив меня останавливается белый Лексус, приоткрывается окно водительского сидения.

– Запрыгивай.

Знакомый голос, безукоризненные черты лица и легкая, но измученная улыбка.

Брендон хочет заставить меня поверить в то, что он справляется, но я замечаю все: потухшие глаза не скроют никакие маски, и даже такая банальность, как плохо выглаженная рубашка говорит мне о многом. Я знаю своего лучшего друга не хуже, чем себя саму.

Я сажусь на пассажирское сидение, закрываю дверь и молча обнимаю его.

Когда нам с Евой было по четырнадцать, мы пошли на день рождения к Мие, девочке из нашей группы поддержки. Всего на этом празднике было человек семь, отмечали мы его в загородном доме именинницы. После праздничного ужина – игра в «бутылочку».

Мия крутит «стрелку», все замирают в ожидании.

– Элиз! – воскликнула девушка, лучезарно улыбаясь, когда носик бутылочки указал на меня, – Ты должна поцеловать...

Именинница задумчиво оглядывает всех присутствующих. В этот момент открывается дверь в гостиную, входит симпатичный парень спортивного телосложения, с уверенным взглядом и красивой улыбкой.

– Брендона, – сказала Мия, кивая на вошедшего.

Я была немного растеряна: с другими ребятами мы уже познакомились и даже подружились, а этого парня я первый раз видела. Но... почему бы и нет. Всем было очень интересно посмотреть на последующую реакцию незнакомца, и я тоже находила это забавным. Какая-либо другая девушка, возможно, смутилась бы и отказалась от задания, но я никогда не относилась к числу робких. Я уверенным шагом подошла к парню и быстро чмокнула его в губы, после чего незамедлительно посыпались аплодисменты. Сам Брендон вскинул брови, и с удивленной улыбкой произнес:

– Ого, об этой части программы Мия мне не рассказывала.

Я пожала плечами, слегка улыбнулась.

– Мне тоже. Еще минуту назад я думала, что только под действием алкоголя девушка может поцеловать парня, еще не успев познакомиться с ним. Но, клянусь, я не выпила ни капли.

Брендон рассмеялся.

Вместо ожидаемой неловкости и смущения, мы совершенно беззаботно болтали – с первых минут знакомства этот парень полностью расположил меня к себе.

Так произошла наша первая встреча с Брендonom. С этого момента мы стали хорошо общаться, а через какое-то время гулять в одной компании, в которую входили: Хлоя Тейлор, новенькая, с которой мы подружились и избавили от необоснованных издевательств одноклассников, Эван Гилмор – ее парень, по совместительству компьютерный гений, и Макс Оулдман, футболист, с которым мы к тому времени начали встречаться.

С тех пор прошло три года, и мы все еще дружим. Недавно Ева и Брендон поняли, что не безразличны друг другу, пройдя определенные стадии в отношениях. В тот день, когда Ее обнаружили мертвую, лежащую среди разбросанных пустых капсул со снотворным, должно было состояться их первое официальное свидание... Нельзя передать словами, как сильно она этого ждала.

Неужели ты притворялась, Ева? Нет. Я ведь знаю, что ты не умеешь лгать.

– Лиз? – Брендон чуть отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза, – У нее ведь не было причин. Ни одной.

Я больно кусаю губу, останавливая подступающие к глазам слезы.

– Ни одной... – повторяю я.

Его челюсть напрягается, губы приоткрываются в безмолвной речи, затем он резко отворачивается, вцепляется пальцами в руль и давит на газ.

Нам всем хочется многое рассказать, только не друг другу, а тебе, Ева. И возможно, ты сейчас наблюдаешь за нами сверху и печально улыбаешься...

В траурном зале собралось очень много народу, все, кто знали Еву, любили ее и уважали: родственники, друзья, знакомые, те люди, которым когда-либо доводилось видеть этот горящий взгляд.

Теперь эти глаза пустые и безжизненные. Кожа бледная, на щеках уже не блестит нежный румянец. Чем дольше я смотрю на это фарфоровое лицо, тем сильнее меня охватывает ужас...

Этого не может быть. Ты не умерла, я не верю! Тебе всего семнадцать, у тебя впереди вся жизнь! Ты просто не имеешь права бросать меня здесь одну!

– Знаешь, что происходит с человеком после смерти? – когда-то спросила у меня Ева, будучи маленькой мечтательницей со вьющимися светлыми локонами.

– Его душа улетает на небо и обретает покой, – ответила я.

– А может, души живут на солнце? Их счастье настолько яркое, что человеческий взгляд его не выдерживает...

Среди множества присутствующих я узнаю Шона: он приходит чуть позже основной массы, отстраненно смотрит на тело сестры, и ни одна мускула не дрогнет на его лице. Он поднимает глаза и дарит мне убийственный взгляд, предупреждение о предстоящей мести. Но нас больше ничего не объединяет, вероятно, мы больше и не увидимся. Ведь теперь мы друг другу никто.

«А мне кажется, что когда-нибудь вы подружитесь,» – так ты любила говорить, Ева. И это единственное, в чем ты ошиблась.

Пожалуйста! Пусть это окажется сном, жутким и очень реалистичным. Пусть я проснусь от твоего звонкого голоса: ведь вчера я осталась у тебя ночевать, мы долго-долго разговаривали и уснули в два часа ночи, а утром ты, как обычно, встала первая, и теперь пытаешься разбудить меня, чтобы мы не опоздали на алгебру...

«– Ты веришь, что после смерти душа может остаться на земле, чтобы наблюдать за своими близкими и помогать им?» – звучит в голове до боли знакомый детский голос из прошлого...

Верю. И я буду тебе обо всем рассказывать, делиться переживаниями, как и прежде, хоть теперь и не смогу услышать твои ответы. А может смогу... я ведь всегда понимала тебя без слов.

Мне становится легче.

Ты не исчезла из моей жизни. Ты всегда будешь рядом.

В эту секунду я чувствую прикосновение чьей-то ладони к своему плечу, всхлипы и тяжелое дыхание. Хлоя.

– Какие же мы подруги, – шепчет она, – если не видели, что с ней происходит.

Мне тоже не раз приходило это в голову. И от этих мыслей становится еще больнее.

– Не говори глупостей, Ло, – хриплым голосом произношу я.

Девушка резким движением руки убирает с лица светлые локоны и размазывает по щекам слезы вместе с тушью.

– Я не могу понять, я просто не могу понять...

Как и я, Хлоя винит себя, перебирает воспоминания, но никак мне может найти то, что в них ищет.

Мы беремся за руки и крепко сжимаем пальцы.

Хлоя всегда была с нами, своей, хотя мы с Евой знали ее намного меньше, чем друг друга. Она перешла в нашу школу в шестом классе. Тихая девочка с двумя бантиками на волосах – так мы ее охарактеризовали в начале. Она хорошо училась, была аккуратной и слишком спокойной, но, порой, очень странной. Одноклассники начали подшучивать над ней, а, увидев, что новенькая не может ответить, и вовсе издеваться. Почему они так делали? Да кто же поймет этот странный возраст... Еву это возмутило: она всегда была очень добрым и сострадательным ребенком. Мы стали общаться с Хлоей, давать отпор ее обидчикам, и вскоре девочку больше никто не осмеливался дразнить. Она

оказалась милой и приятной в общении, а скрытой причиной ее странного поведения оказался развод родителей, который она очень тяжело переносила. За несколько месяцев мы стали подругами: могли делиться любыми секретами, оставаться на ночевки друг у друга, разговаривать до ночи и читать модные журналы. Хлоя стала намного раскованнее и общительнее, ей становилось легче. В восьмом классе мы вошли в школьную сборную чирлидинга, и авторитет, существующий до этого, значительно возрос.

Со стороны жизнь каждой из нас можно было назвать идеальной, но на самом деле, это, конечно, было не так. У нас троих были проблемы с родителями, даже у Евы. Точнее, проблемы были у Шона, но подруга была с ним настолько близка, что воспринимала, как свои. Сложный характер, бунтарский дух, плохие компании, в которых Уайт был лидером, наркотики... Лесса и Рей были не в состоянии справиться с ним: неоднократно обращались к психологу, отправляли Шона в санатории, из которых он сбегал. Один раз даже оставили неблагополучного сына на три дня в полицейском отделении после очередной выходки его компании. Конечно, это отражалось на отношениях в семье.

Вскоре приходят Макс и Эван, мы молча приветствуем друг друга, и почему-то мне становится легче. Макс, мой Макс, всегда невозмутим в любых ситуациях. Сейчас я вижу в его глазах ничем не скрываемую грусть и скорбь. Он молча обнимает меня за плечи, чувствуя, что мне нужна эта поддержка, а я кладу голову на его грудь, плача, тихо и без слез.

С Максом мы познакомились два года назад, в школьном дворе. В тот солнечный первый день сентября меня выбрали новым капитаном команды чирлидинга, и на той тренировке я выложила всю свою энергию: бодро провела разминку, затем вместе с Евой показала недавно придуманную нами технически сложную связку.

Рядом находилось футбольное поле, из которого доносились возгласы спортсменов, и чирлидерши иногда отвлекались на это: начиналось обсуждение парней, в особенности, загадочного красавца-новенького. Я бы с удовольствием поучаствовала в этом разговоре, но, увы, новая должность не позволяла.

– Девочки, через два месяца соревнования! – воскликнула я, – Сосредоточитесь.

Все трудные элементы были уже позади, оставалось сделать незатейливый переворот через продольный шпагат, но резкая боль в коленке не позволила мне встать на ноги с мостика – я взвизгнула и упала на бок. Девочки подбежали ко мне, встревоженно спрашивали, что болит.

Я убедила их, что со мной все в порядке, но после неудачной попытки подняться поняла, что растянула связку.

– Я позову медсестру! – сказала Ева, мгновенно вскочила и побежала в сторону школьного здания.

– Выпрями ногу и расслабь ее, – посоветовала Хлоя.

Она хотела поступить в медицинский и много знала о первой помощи, поэтому в правильности ее слов я не сомневалась.

– Потерпи чуть-чуть... – губы Мии сжались в узкую полоску.

Я не любила жалости к себе, но забота девочек была очень приятна.

Тягучая боль не унималась даже в расслабленном положении ноги, но я улыбалась.

– Что у вас случилось? – слышался мужской голос сзади.

Я обернулась. Фраза принадлежала тому самому новенькому, о котором все время разговаривали девочки – голубоглазый блондин с прекрасной фигурой и превосходным чувством юмора. Он был в форме футболиста, которая удивительно шла ему.

Ожидаящий взгляд все еще был направлен на меня.

Я безмятежно пожала плечами и произнесла:

– Растяжение.

Без лишних слов, под восхищенные взгляды девушке, он ловко поднял меня на руки.

– Тебе нужно в медпункт, – объяснил он.

Я слабо кивнула.

– Думаю, ты прав... Я Элизабет.

Парень лучезарно улыбнулся.

– Макс.

Вот мы уже рассаживаемся по местам и Лесса произносит свою речь...

Я не хочу обнажать свои чувства перед публикой, а говорить шаблонные фразы противно... именно поэтому я отказалась от выступления.

Время тянется очень долго: минуты превращаются в часы. На сцену один за другим выходят люди и произносят речи.

Я снова смотрю на безжизненное тело Евы.

Ты видишь все, что здесь происходит? Ты понимаешь, насколько больно сейчас всем твоим близким?

Внезапно становится душно... Стены давят на меня, не хватает воздуха. Все это происходит не со мной, я всего лишь зритель... Я начинаю дышать глубже, чтобы справиться с приступом тошноты. В глазах темнеет.

Едва слышны чьи-то голоса, почти не чувствуются прикосновение чьих-то ладоней к моим щекам.

В голове вспыхивает образ Евы: золотоволосая девушка в бежевом платье с красивыми правильными чертами лица и сияющей улыбкой, и тут же исчезает...

Резкий противный запах нашатырного спирта возвращает меня в реальность. Открыв глаза, я вижу расплывчатое лицо Макса. Одной рукой он поддерживает меня за плечи, другой – подносит к моему лицу салфетку, пропитанную нашатырем. Сидящая по другую сторону от меня Хлоя крепко сжимает мою руку.

– ... она была не только примерной дочерью, прекрасной подругой, но и по-настоящему хорошим человеком...

Кажется, речь произносит Софи, тетя Евы.

– Хочешь, мы выйдем на свежий воздух? – спрашивает Макс.

Я качаю головой.

– Нет. Все нормально. Просто легкое головокружение.

Через час процессия заканчивается, люди расходятся. Мне тяжело находится в этом здании и, попрощавшись с Евой, я теряюсь среди уходящей толпы и жду друзей на улице.

Головокружение прошло, остался только привкус горечи.

– Запомни наконец, приспешникам дьявола не место на таких мероприятиях, – шепот возле моего уха.

Я вздрагиваю.

Делаю несколько шагов в сторону и смотрю в глаза нарушителю моего личного пространства.

– Что тебе... – начинаю я, но тут же замолкаю.

Ключи. Совсем забыла о них.

Я достаю из кармана злосчастную железку и бросаю в Уайта, он ловит ее и несколько раз прокручивает в руке. Ведет себя так, будто ничего не случилось,

будто все хорошо. Но мне достаточно было увидеть его лицо сегодня утром, чтобы понять...

– Кончай спектакль, Уайт, – говорю я, – Ты не обязан казаться бесчувственным.

Шон пожимает плечами.

– Я не кажусь им. Ты же знаешь, мою нервную систему уже давно парализовали наркотики.

Сердце пропускает удар.

Помнит, сволочь.

Когда-то я выкрикнула эту фразу ему в лицо, после чего сильно пожалела об этом.

Было утро воскресения. Мы с Евой договорились встретиться у нее дома в десять часов, но на день раньше она осталась вместе с родителями на ночевку у бабушки, застряла в пробке и не успела приехать вовремя. Не зная об этом, в назначенное я постучала в дверь. Открыл ее Шон и удивительно вежливо сообщил, что сестра еще не дома, но разрешил мне подождать ее внутри, ведь на улице холодно. Я помню все мелочи... мне тогда было пятнадцать, а ему – восемнадцать.

– Уж лучше мерзнуть, чем находиться с тобой в одной комнате, – фыркнула я, собравшись уходить.

Я всегда старалась придумать достойные ответы на его слова, но получалось это не всегда, потому что в такие моменты у меня почему-то отключались все мыслительные процессы.

– Да ты просто боишься меня, Шелден, – насмешливо отозвался он.

Я остановилась.

Сердцебиение ускорилось, как и всегда, когда мы с Шоном вступали в словесные бои. Я хотела прекратить это, но не могла позволить ему думать, что только что озвученная им мысль хотя бы немного приближена к правде.

– Не льсти себе. Знаешь, а здесь действительно холодно, – с этими словами я зашла в дом.

Да, он умело манипулировал мной, и я всегда велась на его провокации. Он знал абсолютно точно, чем меня задеть, как унизить или же вызвать интерес, и я ненавидела за это не только его, но и себя, свою эмоциональность и неумение скрывать чувства.

Шон закрыл дверь на замок, и положил ключ в свой карман. Я осталась в закрытом помещении наедине со своим мучителем.

– Может, чай предложишь? – с наигранной скукой спрашиваю я.

– А что можешь предложить ты? – Уайт приподнял брови, странно улыбнулся и осмотрел меня с ног до головы.

На мне были фирменные джинсы и любимый бежевый свитер, спущенный на одно плечо, но в этот момент я почувствовала себя голой. Уловив скрытый подтекст, я тут же почувствовала, как к лицу приливает кровь.

– Абсолютно ничего, – он презрительно скривил губы и перевел взгляд.

Взлет и падение. Внутри меня разрывало от злости и обиды, но ни одна мускула на лице не дрогнула. Я очень долго училась себя контролировать. Его слова были неприятны, но больше не понижали самооценку. Я никогда не была закомплексованной девочкой, могла дать себе реальную оценку, и, между прочим, считала свою внешность очень привлекательной, а уже сформировавшуюся фигуру с гордостью могла назвать эффектной. Многочисленные поклонники и завистливые взгляды одноклассниц были тому подтверждением.

Проигнорировав его грубость, я налила себе чай и села за столик; Шон все еще стоял возле двери.

Сколько же усилий мне требовалось, чтобы казаться уверенной и не скованной в движениях... ведь на самом деле я отчаянно желала куда-нибудь спрятаться, провалиться под землю, да все что угодно, только бы скрыться от этих пронзительных черных глаз.

– Какого черта ты ведешь себя здесь, как хозяйка, Шелден? Шибко смелая?

Я знала, чего он хотел. Только не понимала, для чего.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я.

– Делаю что? – он подошел ближе, и положил ладони на подлокотники кресла по обе стороны от меня.

В эту секунду я поняла, что он не отстанет от меня, пока не добьется своего.

Я аккуратно поставила чай подальше на стол, чтобы кто-нибудь из нас снова в приступе злости не вылил его на другого. Да, и такое уже было.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты с рождения был таким отшибленным или это наркотики парализовали твою нервную систему? Но не мог же ты употреблять их с третьего класса.

Наркотики были больной темой для Шона, потому что в тот период настолько обострились его проблемы с родителями и полицией, доходило до крайностей. Я прекрасно об этом знала и именно поэтому с таким удовольствием произносила те слова.

Сначала я поймала плохо скрываемую злость во взгляде Уайта, но потом на его лице заиграла улыбка, а глаза сверкнули огоньком.

В тот момент я уже понимала: сейчас произойдет что-то не хорошее.

Еще год назад этот взгляд гарантировал мне бессонную ночь и мокрую от слез подушку. Год назад, но не сейчас... Ведь я уже не маленькая девочка.

Так я думала. Но я ошибалась.

Шон достал из кармана капсулу с белыми таблетками и начал вертеть ее в руке, глядя на меня.

– Ты про это?– усмехнувшись, спросил он.

Наркотики. От одного их вида мне стало не по себе.

Я не могла понять, что он собирается делать дальше, и от этого мне становилось страшно.

– Ты ведь не собираешься глотать их прямо сейчас? – тихо спросила я.

– Я – нет. А насчет тебя не уверен.

Я вздрогнула.

Он не осмелится меня заставлять... Это слишком, даже для него.

– Что ты хочешь этим сказать?

Шон достал из капсулы несколько таблеток, положил на ладонь и протянул мне.

– Ты выпьешь их.

Его выражение лица стало серьезным, а взгляд – жестоким. Боль за боль. Это то, как мы жили все эти годы...

– Это статья, Уайт, – предупредительным тоном произнесла я, но не сдвинулась с места.

– Мне плевать. Если ты не сделаешь это сама, я заставлю тебя.

Я сделала попытку встать с кресла, но Шон толкнул меня обратно. Он смотрел на меня, как палач на жертву, осознавая то, что делает и наслаждаясь процессом.

– Ты переходишь границы! – со злостью крикнула я ему в лицо.

– Понимаешь ли, Шелден, – он цинично усмехнулся, – Нет никаких границ. Для нас с тобой их просто не существует.

Я не хочу вспоминать, каким образом... грубой силой... уловками... он заставил меня выпить эти таблетки.

В тот момент, когда я поняла, что в мой организм проникает губительный яд, меня охватила паника, затем безудержная злость. Шон разбивал меня на кусочки, уничтожал морально, убивал физически... Люди не обращаются с животными так, как он обращается со мной.

Внутри все кипело, я не могла это контролировать. Мне казалось, что если бы у меня в руках оказался пистолет, я, не задумываясь, нажала бы на курок... Я готова была кинуться на Шона с кулаками, вцепиться ему в волосы, бросить в него тяжелый предмет, но в этот момент почувствовала кисловатый привкус во рту...

Я застыла, просто не в состоянии сдвинуться с места и тем более что-либо произнести.

Это не наркотик.

Не возможно передать, какое облегчение я испытала в тот момент и, в то же время, насколько сильно была поражена.

Шон наблюдал за мной, не произнося ни слова. Он внимательно смотрел мне в глаза, явно получая удовольствие от моих мучений.

Сердце билось, как бешеное, адреналин в крови зашкаливал, но в то же время я была истощена эмоционально.

– Ну как?– спросил Шон, – Аскорбинка с лимонным вкусом. Ммм.. я обожаю их в детстве.

Он откровенно издевался надо мной.

Я была на грани истерики, но мой мучитель ни за что не должен был об этом знать, ведь тогда бы он понял, что снова достиг своей цели.

Шон не считался с моим мнением, моими чувствами, говорил все, что взбредет в голову, делал то, что ему хотелось в данный момент. Он не уважал меня, как человека, унижал и играл на чувствах всеми возможными способами. Иногда мне казалось, что его цель – переступить свой прошлый рекорд по шкале причиненной мне боли.

Я научилась выживать в нашем с ним мире: скрывать чувства, давать отпор, бить словами: его же оружием. Звучит безумно, но иногда мне это нравилось. Я играла по его правилам и, порой, выигрывала. Меня прельщала не столько моя победа, сколько его поражение.

И в тот момент я была на перепутье. За все время нашего с ним общения я поняла одно: не нужно подавлять эмоции, лишь направлять их в нужное русло...

Я засмеялась, чем вызвала у Уайта недоумение. Смех был звонкий, и даже почти истеричный, граничащий со слезами, но подействовал так, как и должен был. Шон явно не ожидал от меня такой реакции.

– Я почти поверила, что ты сможешь сделать это на самом деле, – произнесла я.

Провокация. В иной раз она могла бы мне очень дорого обойтись.

Он сел на подлокотник моего кресла, взял в руки чай, который я заваривала себе, отпил глоток. Его взгляд был направлен куда-то в сторону: холодный, и в то же время чуть напряженный. В такие моменты мне казалось, что он безмолвно спорит сам с собой.

– Один ноль в мою пользу, – сказала я.

Иногда мы произносили это вслух. Наверное, выглядит очень странно. Но отражает действительность.

В этот момент Шон посмотрел на меня уже совершенно другим взглядом: исчезла агрессия и совершенно нечеловеческая жестокость, пылающая в нем

лишь несколько минут назад.

Уайт поправил измятый воротник моей блузки, аккуратно убрав прядь волос с моего лица... эти действия из серии «удиви меня», полностью лишённые смысла, были неким завершением раунда. Он будто говорил этим: «на сегодня с тебя хватит». Я была для него боксерской грушей. Накопились эмоции – выплеснул их. Говорят, что с человеком обращаются так, как он позволяет это делать. Неужели я была сама виновата в том, что происходило?

– Руки убери, – жестко сказала я.

Его пальцы замерли на моей щеке.

Почему в этот момент я готова была расплакаться? В полной мере ощущая безысходность своего положения...

Я резко встала с кресла, не желая такой близости, страхась ее, как животные – огня.

– Не прикасайся, – предупредительным тоном произнесла я снова.

– Тебе это противно? – спросил Шон, пристально глядя мне в глаза.

В каждом его действии, в каждом слове был какой-то подвох, скрытый смысл. Он проверял меня и изучал, словно подопытную мышь.

– Ты себе не представляешь насколько, – соврала я.

На самом деле это был страх, и даже что-то большее. Я не могла мыслить адекватно, находясь рядом с ним, все будто уходило на второй план. Как и всегда, когда человек чувствует опасность.

Через несколько секунд из прихожей послышался знакомый звонкий голос: в дом вошла Ева и ее родители. Я с облегчением выдохнула... этот бой был закончен.

Тогда я думала, что умею контролировать эмоции.

И только сейчас я понимаю, что Шон прекрасно осознает, насколько больно сделал мне в тот злосчастный день. Он научился читать мои чувства и видеть истинное лицо под маской. В этом его огромное преимущество.

– Тебе что-то нужно, Уайт? – раздается голос за моей спиной.

Макс. При нем Шон ведет себя более сдержанно, то ли из солидарности к нему, то ли из-за неохоты нарываться на ненужные проблемы, хотя и не скрывает свое пренебрежительное отношение ко мне.

Я беру Макса под руку, кладу голову на его плечо. В его присутствии я чувствую себя защищенной. Не нужно сохранять стойкость, уклоняться от словесных ударов, чувствовать угрозу каждую секунду... Лишь спокойствие и определенность.

Уайт бросает на нас последний холодный взгляд и уходит.

– Все нормально, – отвечаю я на еще не заданный вопрос.

Негодование и настороженность с уходом Шона испаряются, на смену им приходит опустошенность и воспоминания, наполненные болью. Воспоминания о Ней. И я готова кричать вслед Уайту, молить, чтобы он остался, и заставлял меня снова испытывать страх, ярость, да все, что угодно! Чтобы я не смогла остаться наедине со своими мыслями...

– Элиз! – я слышу голос где-то совсем близко.

Кто-то кладет руку мне на плечо.

Я вздрагиваю, оглядываюсь.

Напротив меня стоит Хлоя с покрасневшими глазами, Макс хлопает меня по плечу.

– Элизабет! – повторяет Брендон, – Тебя зовет Лесса.

Я оставляю друзей и иду к родителям Евы.

Лесса выглядит постаревшей на много лет: с измученным лицом и неопрятными волосами, выглядывающими из черной повязки; Рей, всегда жизнерадостный и веселый, сейчас смотрит куда-то вдаль, с отсутствующим видом и плотно сжатыми в тонкую линию губами.

Я не произношу ни слова, ведь этого и не требуется. Глядя на безутешных родителей моей лучшей подруги, к глазам снова подступают слезы, а сердце щемит от боли. Какого это – хоронить дочь?

На землю снова начинают капать капельки дождя...

Губы Лессы начинают дрожать, я делаю шаг вперед и заключаю женщину, которая стала мне родной за все эти годы, в теплые объятия. Это все, что я могу сейчас сделать...

Слушать шум ветра, вдыхать аромат сырости и безысходности, разделяя свою боль с тем, кому пришлось во много раз тяжелее... слезы смывает дождь, уголки дрожащих губ приподнимаются в улыбке скорби.

Когда мы отстраняемся друг от друга, Рей тяжело вздыхает и произносит:

– Возможно, в комнате Евы есть что-то, принадлежащее тебе или то, что ты хочешь оставить на память. Приходи в любое время.

Сначала я хочу отказаться, но, немного подумав, соглашаюсь. Действительно, там есть то, что мне необходимо увидеть. И тогда, возможно, я отвечу на свои вопросы.

– Завтра утром, – хрипло отвечаю я, – Думаю, я смогу прийти завтра утром. Спасибо...

Лесса достает из кармана ключ и протягивает мне.

– На случай, если нас не окажется дома. Возможно... на несколько дней мы уедем в домик у подножья горы.

Отчаяние в глазах этой бедной женщины заставляет меня содрогнуться и вызывает тревогу.

Выкинуть из мыслей? Не выйдет. От воспоминаний и боли не убежишь. Возможно, время залечит раны... но не скоро. И лишь поверхностно. А душа так и останется на всю жизнь искалеченной.

Глава 2

– Мам, я сегодня останусь ночевать у Хлои.

Молчание в трубке. Тяжелый вздох.

– Ладно. Хорошо. Позвони мне завтра утром.

Ничего не ответив, я кладу трубку и перевожу взгляд на Макса. Я не первый раз остаюсь ночевать в квартире своего парня, не считая нужным ставить в известность об этом мать. Понимаю, кому-то это покажется неправильным, кому-то, кто доверяет родителям, советуется с ними и в трудные моменты находит утешение и поддержку. Боюсь, у меня другая ситуация. Макс и Ева – самые близкие для меня люди, с которыми можно не только хорошо провести время, но и найти опору, когда это необходимо. После ссор с мамой я, бывало, незаметно уходила из дома через окно спальни и ночевала у Евы.

С одиннадцати лет я проделывала этот трюк: запирала дверь спальни, вылезала на улицу через окно второго этажа и часами бродила по парку, находящемуся как раз недалеко от дома.

– Тебе плевать на меня! – кричала я матери, – Для тебя работа важнее, чем дочь! Мы не видимся неделями и ты считаешь это нормальным...

Я захлебывалась слезами, а мама стояла напротив и смотрела на меня усталыми невидящими глазами. Она считала меня капризным, вечно чего-то требующим ребенком. Иногда мне даже казалось, что я не нужна ей вовсе.

Высказав все, что хотела, и даже не слушая ее оправдания, я вбежала в свою комнату, хлопнула дверью и, рыдая, упала на кровать.

Как я завидовала тем детям, которые ходили с родителями в кино, в парк, ели вместе мороженное, делились с ними секретами. Мне становилось грустно, когда я смотрела на отношения между Евой и Лессой. Мы с мамой никогда не говорили откровенно, по душам, я не рассказывала ей о том, какой мальчик мне нравится, а она не предупреждала о причудах наступающего подросткового возраста. Обеспечивала меня деньгами и только. Но мне было нужно вовсе не это. Мне просто нужна была мама.

Подул ветер, развивая шторы, по телу пробежался легкий холодок. Была уже середина осени, и с каждым днем все больше чувствовалось приближение зимы: ее легкие касания.

Я встала с кровати, подошла к окну и, по обыкновению, посмотрела вниз: на стене дома были каменные выступы, по которым легко было спуститься и забраться обратно в комнату. Высота была довольно значительной, но почему-то в тот момент я не боялась упасть и сломать себе что-нибудь. К тому же, я с пяти лет занималась танцами и акробатикой, и поэтому была не прочь поэкспериментировать и проверить себя на прочность.

Не долго думая, я залезла на подоконник, затем поставила ногу на первый выступ. Через несколько секунд я оказалась внизу, а в скором времени уже за забором.

Я побежала в парк, который находился в квартале от дома. Что там делать маленькой девочке в одиннадцать часов вечера? И, еще более значимый вопрос: безопасно ли ей там находиться? Об этом я тогда не задумывалась.

Я брела по узкой дорожке, ведущей к цветочному саду, слышала смех еще бодрствующей молодежи где-то вдали, и смотрела на появляющиеся на небе звезды. Я ощущала легкую прохладу – на мне было лишь тонкое шелковое платье и кеды, оказавшиеся первыми в моем поле зрения, пальто я не надела,

было совсем не до него. От порывов ветра по телу пробегала дрожь, но я не хотела возвращаться домой: лучше уж мерзнуть. Я действительно готова была провести здесь всю ночь.

– Кто у нас здесь ходит так поздно и совсем один? – слышалось за спиной.

Я медленно обернулась.

В нескольких метрах от меня стояла компания мальчиков, им всем было лет по четырнадцать – шестнадцать, с наглым насмешливым взглядом и сигаретами в руках. Я находилась в том состоянии, когда внутри кипят эмоции, умоляя выпустить их наружу, а такие понятия, как правила приличия и инстинкт самосохранения, напрочь выходят из головы.

– Назвать имя и фамилию? Уверю, я обязательно дала бы паспортные данные, если бы у меня был паспорт, – резко произнесла я.

– Ого, помимо симпатичного платица у нее еще есть характер.

– Сочту за комплимент, – бросила я.

Парни стали хитро переглядываться.

Было темно и я не сразу разглядела среди них знакомое лицо. К моему удивлению, Шон молча смотрел на меня и ловко вертел в руках зажженную сигарету.

– Маленькой девочке нельзя гулять ночью одной, – сказал темноволосый парень в рваных джинсах, – Пошли с нами, а я не дам тебя в обиду.

Я фыркнула:

– Я себя тоже.

В этот момент я поняла, что они меня постепенно окружают и не собираются выпускать из этого круга...

– Пропусти! – со злостью сказала я, толкая одного из шайки, загораживающего мне путь.

– А то что? Пожалуешься мамочке? – наклонившись ко мне, спросил он.

– Испробую новый прием карате, придуманный мною лично, – сказала я.

Сзади послышался низкий прерывистый смех.

– Максимум, что ты можешь – это помахать помпонами, но, увы, сейчас у тебя и такой возможности нет.

Я понимала, что это правда. Боевыми искусствами я никогда не занималась и к карате никакого отношения не имела. Я не знала, что делать, только унижаться точно не собиралась.

– Компания из шести шестнадцатилетних парней окружили одиннадцатилетнюю девочку и доказывают свое превосходство в физической силе... ну что, сильно помогает поднять самооценку? – я подняла глаза и посмотрела на каждого из них.

– Ты бы закрыла свой ядовитый ротик, – посоветовал один из них, – если бы ты не стала дерзить, то уже давным давно шла бы своей дорогой.

– А сейчас? – я понимала, что лучше последовать его совету, но не могла.

Под сарказмом и язвительностью я прятала свой страх, иначе он бы взял надо мной верх.

– Выполнишь задание – катись на все четыре стороны. Если нет, пеняй на себя.

Задание? Я боялась и представить, что они придумают.

– А если я сообщу об этом полиции?

– Мой папаша в управлении, – с улыбкой на губах сказал брюнет.

Я тянула время, надеясь на то, что сюда кто-нибудь придет и прогонит хулиганов, но умом понимала, что в такое время суток шанс на это совсем ничтожный. К глазам подступали слезы, внутри образовывалось пугающее чувство безысходности.

Хорошо. Пусть все это скорее закончиться.

– Рада за него, – уже менее уверенно ответила я, и, выдержав короткую паузу, добавила: – Я не собираюсь выполнять ваши задания.

Внезапно я почувствовала резкую боль – кто-то сзади сильно дернул меня за волосы, заставив сесть на колени. Из моих губ невольно вырвался тихий жалобный стон.

– Руки убери, – впервые за этот вечер я услышала этот голос, – я с ней сам разберусь.

Сердце еще сильнее забилося о грудь: возможно, теперь мне нужно было бояться еще сильнее. Из благородных побуждений Шон никогда ничего для меня не делал.

Обидчик ослабил хватку, а затем отпустил меня. Через несколько секунд подростки ушли, остался только один он. Для меня всегда оставалось загадкой, как четырнадцатилетний мальчик может быть лидером среди старших ребят. Но, несомненно, это было так.

Я поднялась на ноги, откинула волосы назад и направила взгляд на Шона. Какие у него были намерения? Что он придумает на этот раз?

Несколько секунд мы пристально смотрели друг на друга: я – исподлобья, он – сверху вниз.

– Какого черта ты тут делаешь? – наконец заговорил он.

– Не твое дело, – огрызнулась я.

– Ты не забыла, благодаря кому осталась без синяков?

Я через силу усмехнулась.

– Так вы избиваете шестиклассниц?

Я понимала, что сама виновата в том, что произошло: от таких компаний нужно держаться подальше и не приближаться ближе десяти метров, ну а если уж угораздило столкнуться с ними – не дерзить. Для таких, как они, закон – не указ, а нравственность – детские сказки. Я поступила очень опрометчиво. Только я не могла понять одного – почему Уайт не дал им сделать мне больно. Хотя сам делал это и не однократно.

Порыв ветра заставил меня содрогнуться и скрестить руки на груди. Шон пробежался по мне взглядом и зачем-то снял с себя кожаную куртку. Не передать словами, насколько я была удивлена, когда он подошел ко мне ближе и накинул ее на мои плечи.

– Не смотри на меня такими круглыми глазами. За тобой выполнение задания, – произнес Шон.

Я тут же изменила выражение лица и хотела возразить, но он не дал мне вставить слово.

– Ты ведь не пойдешь домой, верно? Даже не сомневаюсь в этом. Поэтому переночуешь в комнате Евы.

Я ошарашено на него посмотрела, не произнося ни слова, потому что просто не знала, что сказать. Настолько странно было слышать это от него. Он всегда толкал меня вниз, а в тот момент подал руку... В этом должен был быть какой-то подвох, его просто не могло не быть, но только я не могла понять, в чем он заключается.

– А что, если я хочу переночевать здесь, в парке? – упрямо спросила я, пытаюсь не выдать своего смутения.

– А ты хочешь? – он пробежался по мне взглядом.

Да, мне было холодно, я была в легком, теперь еще и грязном платье, замерзшая, напуганная и все еще злая на мать. Хочу ли я остаться здесь?

– Нет. Но от тебя я подачек не приму.

Голос дрожал: за меня говорила гордость, даже страх, я боялась ошибиться, снова попасться в ловушку, прекрасно понимая, что из этого может выйти. Я чувствовала, что Шон был искренен, что по каким-то причинам он не мог позволить себе оставить меня в такой ситуации, но разум отказывался это принимать. Опасаться его, избегать, отвечать грубостью – защитной реакцией на боль – это стало моими инстинктами. Я не верила, что Уайт был способен на сочувствие. Это просто очередная жестокая игра, придуманная им...

– Понимаешь ли, – его усталый взгляд выражал полное безразличие, – Если ты наткнешься на маньяка и он с тобой что-нибудь сделает, мне будет жалко Еву. Она, дурочка, любит тебя.

Я поняла смысл, который Шон вложил в эту фразу. Ему совсем не хотелось, чтобы я увидела в нем что-то хорошее или считала, что ему не безразлична моя жизнь.

Вполне очевидно, он догадался о моей ссоре с матерью: что еще заставило бы меня прогуливаться по парку в легком домашнем платье ночью? Но по какой-то причине Шон не мог бросить меня здесь. Никогда бы не подумала, что в этом жестоком мальчике есть хоть капля человечности...

У меня не было выбора: ночевать в парке действительно не хотелось, поэтому я пошла с Уайтом. Всю дорогу мы молчали, он держал руки в карманах, о чем-то задумавшись, и изредка поглядывал на меня. Было так непривычно находиться рядом с ним, не испытывая страх или неприязнь. И чувствовать запах такого знакомого парфюма, которым пахла его куртка... Как же это было странно.

Как оказалось, Ева еще не спала, она любовалась звездами, сидя на качелях во внутреннем дворе дома.

Увидев меня, она прыгнула на траву, удивленно на меня посмотрела, вернее, на куртку, которая была на мне надета, а затем на Шона.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила она.

Светлые локоны девочки развивались по ветру, выразительный взгляд был направлен на меня.

– Ничего не обычного, – ответила я, – Просто очередной скандал с мамочкой.

Губы Евы сжались в тонкую линию, она подошла и молча обняла меня. В такие моменты мне становилось легче. Она понимала меня, как никто другой, и всегда знала, как успокоить меня и даже поднять мне настроение в такие моменты.

Ее родители были совсем не против того, чтобы я осталась на ночь, и у них даже не возникло вопроса, предупредила ли я об этом маму: им просто не пришло в голову, что я могу этого не сделать.

А я понимала, что мама не заметит мое исчезновение, поэтому сообщать ей о своем местонахождении не собиралась.

– Позвони ей, пожалуйста! – умоляла меня Ева, – Она будет очень сильно переживать, если заметит, что тебя нет дома.

Милосердие и сопереживание людям подруги меня всегда поражало и восхищало, она частенько выступала в роли моей совести, но я не всегда была с ней согласна.

– Я не буду этого делать. Хочешь, я уйду, только звонить не буду, – говорила во мне обида и злость.

Умом же я понимала, что поступать так с матерью нельзя, какими бы плохими не были наши отношения.

– Правильно. Зачем? Твоя мама уже знает, где ты.

Я с яростью посмотрела на Шона, который, оказывается, какое-то время стоял в дверях и слушал наш разговор.

– Я только что позвонил ей, – на его губах играла нахальная улыбка.

– Ты... что? – я вскочила с кровати и подошла к нему вплотную.

Я терпеть не могла, когда кто-то вмешивался в мою личную жизнь и была ужасно зла на Шона, в первую очередь потому что он сделал это совсем не ради того, чтобы обезопасить мою маму от сердечного приступа.

– А твои родители знают о том, с кем ты ошиваешься по ночам? – ехидно спросила я, стреляя глазами.

Он дернул бровями и равнодушно ответил:

– Конечно. Они не против.

– Не ври, – прозвучал сзади звучный голос Евы, – Папа даже запирает его на ночь в гардеробной, поставив там раскладушку, потому что в других комнатах есть окна, через любое из которых он может вылезти на улицу!

– И именно в этот момент, сестренка, я понял, что у меня клаустрофобия.

В моих мыслях уже возникла эта картина: Уайт истерично колотит дверь кулаками, а у любящих родителей не остается иного выбора, кроме как выпустить его из замкнутого пространства, хоть они и понимают, что это, скорее всего, притворство.

Мне становиться жаль Лессу и Рея: каким бы сильным характером не обладал отец, он не может справиться со своим непутевым сыном.

– Дурачок, – вздохнула Ева.

С ним никто не может справиться: ни родители, ни учителя, ни полицейский участок.

Я все еще была зла на него за звонок, но в то же время благодарна за то, что он спас меня от хулиганов, которых, к слову, возглавляет, и привел сюда. Зачем? Не имею понятия. Я действительно не ожидала такого... может в этом заключался весь смысл?

В тот вечер Ева заставила меня пообещать, что если я снова сбегу из дома, то прямиком к ней.

– Может, ты уже расскажешь ей обо всем? – спросил Макс.

– А зачем? Ей нет до этого никакого дела.

Макс познакомил меня со своими родителями в день соревнований по футболу. Они оказались очень хорошими людьми, и, еще до того, как узнали, что я встречаюсь с их сыном, восхищались танцевальными способностями «девушки из группы поддержки, которая стоит в середине первого ряда чирлидерш».

Мою маму Макс ни разу не видел, а она, в свою очередь, даже не догадывается о том, что у меня есть парень.

– Она ведь хочет наладить с тобой отношения.

Я пожимаю плечами.

– Раньше нужно было думать об этом. И вообще, я не верю в ее искренность.

Макс пытается отвлечь меня; я вижу – его пугает моя отстраненность. Но навязчивые мысли лезут в голову, и я не могу от них избавиться... Я всего лишь подыгрываю ему: делаю вид, что все в порядке и мы можем говорить о таких обыденных вещах. Но это всего лишь самообман. Мы оба понимаем это.

В квартире Макса я была уже не раз: темные и пастельные оттенки, фирменная мебель из красного дерева, запах свежести и мускуса... В царящей здесь атмосфере уюта и тепла мне намного комфортнее, чем в своем собственном доме, где холод и равнодушие почти осязаемы.

– Лазанья? – спрашивает Макс.

Обычно такими вечерами мы готовим вместе: блюда из макарон, бутерброды с арахисовым маслом, мясо под овощами. Но сейчас... как я могу делать что-то обыденное, зная, что не смогу поговорить с Евой перед сном, как это было на

протяжении десяти лет, покататься на роликах в парке, посмеяться над понятными лишь нам шутками, или просто увидеть ее!

Я больно кусаю губу, чтобы остановить подступающие к глазам слезы.

Макс берет меня за руку, затем притягивает к себе, и, уткнувшись щекой в его сильную грудь, я уже не могу сдерживать эмоции.

– Я могла это предотвратить! – тяжело дыша, произношу я, – Я могла!.. И в тот день... я должна была быть рядом. Я должна была знать...

– Нет, если только ты не ясновидящая, – отвечает Макс, – Не глупи, Элиз!

Я выбираюсь из его объятий, пристально смотрю в глаза.

Он пытается успокоить меня, как всегда успокаивают родственников погибших, но я не хочу этого. Я не ищу оправданий.

– В то время, как она умирала, я смеялась и пила martini на другом конце города. Ты понимаешь это!? – мой голос срывается на крик, – Я ненавижу себя, ненавижу!

Отчаяние и злость завладевают моим сознанием, я не могу остановиться: кричу сквозь слезы, хотя никогда до этого я не позволяла себе плакать при людях... Выплескиваю все эмоции, накопившиеся внутри.

– Лиз! Элизабет! – Макс кладет ладони на мои плечи и пристально смотрит мне в глаза, прерывая поток бездумно слетающих с губ слов, – Я не понимаю, о чем ты. Что было в тот день?

Я замираю. Я чувствую: что-то изменилось, огонь внутри погас, эмоции иссякли. Ничего не изменить, бессмысленно обвинять в случившемся себя или кого-либо другого. Я даже рада, что разум наконец взял вверх над моими чувства.

Макс смотрит на меня с ожиданием.

– Ты прав, – я качаю головой, – Прости.

В его взгляде теплота и легкая грусть. Он снова каким-то образом сумел охладить мой пыл. Ева говорила, что мы идеально подходим друг другу, потому что полные противоположности.

«Макс – спокойный, рассудительный и добродушный, хотя за словом в карман не полезет, а ты – вспыльчивая, безбашенная и слишком эмоциональная. А еще он имеет уникальную способность: тушить твой огонь, только не внутри, а снаружи, когда пламя начинает сжигать тебя. Знаешь... только не смейся! Мне кажется, люди делятся на три группы, а вернее, их внутреннее состояние: источающие огонь, способные его укротить и все остальные – большинство. Когда взаимодействуют два человека из первой группы, соединяются два сильнейших энергетических разряда, и это приводит к взрыву эмоций, пожару! И мне кажется, это слияние поразительно... сильно... безумно... прекрасно: подобно красочному фейерверку. Но оно, к сожалению, не может длиться долго. Иначе один элемент поглотит другой... а если нет, энергия в каждом из них будет постепенно угасать, и они уничтожат друг друга... Красиво и печально.» – Ева рассказывала это с таким воодушевлением и трепетным восторгом, что мне передалось ее состояние. В сознании возникали образы: элемент – осязаемый поток энергии, воспламеняется и тут же затухает, словно обданный водой, попав под светло-голубой ледяной купол, но внутри него все так же пульсирует отчаянная огненная жилка. А потом появляется второй элемент – такой же искрящийся, способный создать пожар, но не потушить его. Что будет, если они соприкоснутся? Огонь станет неуправляемым, превратится в бесконечное пламя, и поглотит их.

«Лиззи? Ведь это зрелище происходит на моих глазах! Два неукротенных огненных элемента – это ты и Шон.»

Кто-нибудь мог бы сказать: «возможно, в реальной жизни и есть место чему-то подобному, но объясняется это лишь складом характера людей.» А я стала видеть естественные взаимоотношения людей в ином свете, как видит их Она.

Макс все еще стоит напротив меня, в его взгляде мелькает тревога.

– Элизабет, ты пугаешь меня! – в смятении произносит он, – Несколько минут назад ты рыдала, кричала, что ненавидишь себя, а сейчас молчишь и смотришь в пространство невидящими глазами, будто находишься где-то очень далеко отсюда.

Меня никогда нельзя было назвать уравновешенным человеком: мое настроение и стиль поведения меняются чаще, чем что-либо другое, и мама считает это плохой чертой. Еще она говорит, что у меня очень тяжелый характер. Возможно, так и есть, но разве это имеет сейчас какое-либо значение? Да и к тому же, я не хочу, чтобы моя жизнь была схожа с ее жизнью, и стоит ли тогда прислушиваться к ее советам и следовать ее принципам?

– Ты спрашиваешь, каким был тот день, – произношу я, – для меня – замечательным. И именно из-за этого таким ужасным.

Я не знаю, как описать ему это чувство. Но если провести параллель... Я испытывала бурю положительных эмоций, а Она задыхалась от боли в полном одиночестве.

Это была суббота – мой заслуженный выходной. В пятницу у нас была репетиция до девяти часов, ведь ровно через месяц состоится третий и он же последний этап соревнования по чирлидингу – я пришла домой на полусогнутых ногах, сразу упала на кровать и заснула.

Проснувшись утром в восемь, я сделала зарядку, позавтракала и вышла на веранду. Мама как всегда не было дома, но в тот момент я была этому рада – в последнее время она стала донимать меня чрезмерной опекой, пытаясь сгладить вину за все прошедшие годы, не понимая, что теперь мне это совсем не нужно.

Я наслаждалась тишиной и спокойствием, вдыхая прохладный октябрьский воздух, с благоговением думая о предстоящих событиях дня.

В тот день должно было состояться первое официальное свидание Евы и Брендона и я очень хотела помочь ей выбрать одежду, прическу и макияж, по нашей старой традиции, но... мне нужно было быть в другом месте – на уличных гонках, с Брендонам. Они проводятся за городом на заброшенной автострате каждые выходные. Победителю этапа выдается кругленькая сумма, а зрители могут неплохо заработать на ставках. Зачем Брендон участвует в этом, ведь его отец – очень состоятельный бизнесмен? Но все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Родители Брендона развились, когда их ребенку было шесть месяцев, и через какое-то время Каролина вышла замуж за

обеспеченного человека. Брендон не хочет зависеть от властолюбивого отчима. И это правильно. Да, пожалуй, зарабатывать деньги незаконно, рискуя своей жизнью, ведь гонки – очень опасное развлечение, не лучший вариант, но выбор здесь совсем не большой.

Шон тоже регулярно принимает участие в этих соревнованиях и прослыл одним из самых сильных гонщиков. Только ему не нужны деньги, он делает это ради удовольствия, адреналина. Я всегда считала Уайта больным на голову, но, порой, его поступки просто поражают.

Я чуть не рассмеялась своим мыслям.

Поражаюсь его поступкам! А сама то? Что я отвечаю на вопрос: «Зачем тебе, красивой хрупкой девушке-танцовщице принимать участие в жестоких незаконных уличных гонках»? Хочу попробовать в жизни все. Люблю скорость и адреналин. Вот такая я уникальная. Но ведь это не правда, сколько бы я не пыталась себя убедить в обратном! Я регулярно участвую в соревнованиях, чтобы в один прекрасный день сразиться с Шоном за звание победителя, лишь потому, что однажды он насмешливо сказал: «Тебе слабо». Глупость в высшем ее проявлении! Я всегда велась на его провокации, а поняла это лишь недавно. Но ничего не изменилось. Я продолжала совершать безумные поступки для того, чтобы что-то доказать Шону и самой себе, хоть и осознавала всю комичность ситуации. Но потом я увидела в моих действиях больший смысл – маленькую месть...

Я практиковалась только в те дни, когда Шона не было на автостраде, то есть, в воскресенье, под вымышленным именем Бекки. Она, Бекки, уже завоевала любовь и уважение мужской публики, в первую очередь тем, что является девушкой. Девушкой, которая способна одержать победу в уличных гонках. Она доказывала это снова и снова, из месяца в месяц, и выбилась в ряды лучших. А главное, Бекки ни разу не попадалась на глаза Шону, но даже если бы он увидел ее, то не признал бы в ней меня. Ведь она – рискованная блондинка со сногшибательной фигурой, которую подчеркивает, на мой взгляд, чересчур откровенная одежда, а я всего лишь наглая подружка его младшей сестры.

Я множество раз представляя выражение лица Шона, когда он поймет, что знаменитая в узком кругу гонщиков Бекки и я – одно лицо. И это должно было произойти в тот день, его день – субботу. Я чувствовала в себе силу, знала, что готова.

И не из гордыни я хотела одержать эту маленькую победу над Шоном. Слишком долго я терпела его выходки, и вот наконец появилась возможность отомстить: унижить его самолюбие на глазах у всех. Он постепенно из года в год вводил в меня смертельный для души яд, но своей цели не добился: я не погибла – приобрела к нему иммунитет и стала сильнее. В тот вечер он должен был в этом убедиться.

В три часа дня подъехал Брендон, раньше, как и планировалось – мы посмотрели фильм, погуляли по парку, болтая и смеясь, затронули тему о их с Евой предстоящем свидании. Он был на самом деле очень рад такому раскладу событий: по каким-то не понятным даже самим влюбленным причине они долгое время не могли открыть друг другу свои чувства. Я была искренне рада, что чудо наконец свершилось, я видела, как чувства между ними зарождались на протяжении нескольких лет. Я наблюдала за друзьями со стороны и чувствовала себя второстепенным героем комедийной любовной мелодрамы. Это было очень забавно.

В какой-то момент мой друг стал молчалив, о чем-то размышлял, а потом серьезно посмотрел на меня и сказал:

– Тебе действительно это так важно?

– Ты про что? – с недоумением спросила я.

– Что ты будешь делать, если проиграешь Шону?

Я не задумывалась об этом. В моих мыслях была только победа.

– Я ведь даже тебя победила, Бренди! – шутливо ответила я, – И теперь на втором месте после него по списку. Я не проиграю. Точно.

– Он использует опасные маневры и не думает о безопасности своих соперников, понимаешь?

– Боишься, что если он подрежет меня, то я непременно врежусь в какой-нибудь столб? – я рассмеялась, хотя не находила в этом ничего смешного.

Брендон был чересчур серьезен, что ему совсем не свойственно – значит, он действительно переживал.

– Ты не веришь в меня, – я с обидой и укором на него посмотрела, – А я надеялась на поддержку лучшего друга. Ну хорошо – без тебя справлюсь!

Я прикусила губу и отвела взгляд в сторону. Все норовят опекать и заботиться, а тому, что действительно важно для человека в трудные моменты, не предают значения. Мне нужна опора, поддержка – и только.

Этого не было видно, я и сама от себя скрывала, что... боюсь. До дрожи в коленках и ускорения пульса, до помутнения в глазах боюсь – за свою жизнь, которой Шон играет, за свою победу, в которой уже стала сомневаться.

Брендон потрепал меня по волосам, обнял за талию, и стал щекотать: а я до ужаса боюсь щекотки. По улице эхом пронесся звонкий смех. Я, забыв обо всем, стала вырываться от него и убегать, с губ не сходила улыбка. Прохожие оборачивались на нас: кто-то смотрел с одобрением, дружелюбием, участием, а кто-то с удивлением и даже осуждением. Но разве это имело какое-либо значение?

Оставшийся час пролетел незаметно: вот уже на экране мобильного телефона высветилось число пятнадцать. Нужно было собираться и ехать.

Брендон с интересом наблюдал за моим преображением, каждые несколько минут смешно комментируя мои действия.

Через сорок минут я закончила со своим образом, еще через пол часа мы уже были на автостраде.

Я была полна решимости: проснулся азарт, энергия струилась по венам, в крови зашкаливал адреналин.

Я вышла из иномарки, встряхнула белокурыми локонами и, сопровождаемая восхищенными взглядами, подошла к Артуру, в руках которого находятся большие денежные суммы – ставки зрителей и списки присутствующих гонщиков. По бокам два громадных парня, на предплечьях которых красуются

одинаковые татуировки змей, раскрывающих пасти, – охрана, или, как их здесь называют, телохранители. Как и всегда, здесь, на открытой автостраде, было очень шумно, отдавало запахом алкоголя и сигарет. В основном, собравшаяся аудитория – молодые самоуверенные парни, любители адреналина и экстремальных развлечений. По началу красавице Бекки было очень трудно выживать здесь: каждый считал своим долгом познакомиться с ней и куда-нибудь пригласить, но вскоре они поняли, в какой-то степени благодаря Брендону, что это бесполезное занятие. Многие из них – очень симпатичные и интересные люди, но все же, любому, не задумываясь, я бы предпочла Макса – он стал для меня по-настоящему близким и дорогим человеком. С ним спокойно, легко и комфортно – я считаю это главным. Доверие, искренность и верность залог идеальных отношений. А острых ощущений в моей жизни достаточно, учитывая, что они возникают при одном упоминании одного только имени...

– Шон Уайт здесь? – елеиным голоском поинтересовалась я у Артура, предвкушая предстоящую гонку.

– Бекки! – он поприветствовал меня легким хлопком по плечу.

Артур – высокий блондин с приятными правильными чертами лица, хитрым взглядом и нагловатой улыбкой. Он один из организаторов уличных гонок, который сумел сделать из зрелищного события хороший бизнес: вход платный или по приглашению, определенный процент ставок не подлежит возврату.

– Малыш, он сегодня не появлялся, – информировал меня парень.

– Черт! – вырвалось у меня.

Я почувствовала одновременно и разочарование и облегчение, и пока не определилась, какое чувство все же преобладает.

– Скорее всего он сегодня уже не появится, приезжай в следующую субботу, – усмехнулся Артур, – Знаешь, я буду рад переставить твое имя на первую строку, меня порядком раздражает высокомерие и задиристость этого Уайта.

Я улыбнулась.

Выходит, у Шона есть недоброжелатели – это заставляет задуматься. Смогу ли я вынести из этого выгоду для себя?

Я подмигнула блондину:

– Отлично. Готовь новый список.

Пробираясь сквозь толпу, я искала глазами Брендона. Со всех сторон меня дружелюбно приветствовали, я отвечала улыбкой, но мысли были заняты совсем другим. Настроение упало, хоть я и пыталась не подавать виду: казалось, день был испорчен. Ждать до следующих выходных совсем не хотелось – я всегда была нетерпелива.

– Эй, Лиз-Бекки!

Я обернулась. Так извратить мое имя, скомбинировав его с вымышленным, мог только один человек – Ник, друг Брендона. Веселый и прямолинейный парень, для которого не существует правил – таких в школе называют хулиганами. Мне он нравится, хотя, бывает, он и болтает лишнее.

Еще не успев ничего ответить, я оказалась в его дружеских объятиях.

– Хорошо выглядишь, – сказала я, посмотрев на его новую кожаную куртку, – Где Брендон?

– Собирается прокатиться с Рэном, – ответил он, – А зачем он тебе?

Я вздохнула.

– Да так.

Ник прищурил глаза.

– Что с настроением?

Я пробубнила что-то невнятное и отвела глаза: откровенничать ни с кем не хотелось.

Парень пытался развеселить меня, рассказывая смешную историю и у него это почти получилось – я не могла сдерживать улыбку, а через несколько минут началось шоу. Брендон и Рэн давно борются за почетное третье место, и это был завершающий этап. Я разозлилась на себя за то, что думаю лишь о своих проблемах и выкинула из головы несостоявшуюся гонку, полностью сконцентрировавшись на происходящем. Черный «мерседес» и красный «БМВ» рванули вперед, как только раздался стартовый гудок. Я сжимала кулаки, наблюдая за тем, как иномарки совершают сложные маневры, на значительной скорости вписываются в крытые повороты, стремясь к лидерству. Последний круг... сложный поворот... «БМВ» Брендона чуть не съехала с трассы, значительно отстала от машины соперника. Зрители замерли в напряжении, тишину прорезал лишь звук мотора и звонкий скрип колес.

– Давай... – шептала я, смотря на разгоняющуюся красную иномарку, – Ты сможешь, сможешь!

Брендон поравнялся с Рэном, а затем... обогнал его! Он сделал это, за несколько метров до финишной черты и стал победителем!

Я подпрыгнула, подняв руки в верх и радостно закричала – за мной стала вторить вся публика.

Это событие мы с Бренденом, Ником и еще несколькими ребятами праздновали в пригородном кафе – заведение не высшего класса, но вино там хорошее. Через полчаса возлюбленный моей лучшей подруги вспомнил о предстоящем свидании и попрощался со всеми. А я осталась. Осталась и праздновала победу друга: пила красное вино и мартини, смеялась и шутила с ребятами. Шон Уайт, не появившийся на гонках именно в тот момент, когда я так ждала этого, был забыт.

До дома на моей же машине меня довез Ник, который, к всеобщему удивлению, единственный из всех присутствующих не притрагивался к алкоголю, сказал, что не позволит мне сесть за руль в таком состоянии, а свой автомобиль заберет завтра.

На пороге меня встретила мама с каменной маской на лице. Я подумала, она начнет читать мне мораль о том, что порядочные девушки не приходят домой в два часа ночи, да еще и под градусом, но... она почему-то молчала. Меня пугал ее мутный взгляд, чуть сжатые губы, опущенные брови. За те несколько секунд, когда мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, я поняла: случилось что-то очень плохое. Так мама смотрела на меня лишь раз: перед тем, как сообщить о смерти дедушки.

– Лиззи... – не своим голосом произнесла наконец она, – Ева... Несколько часов назад ее обнаружили мертвой.

Эти слова вонзились в сердце острым кинжалом, обрушились потоком ледяной воды, отдались болью в каждой клеточке тела...

Мама хотела сказать что-то еще, но я не дала ей сделать этого.

– Нет! – закричала я, потом добавила осипшим дрожащим голосом, – Ты что-то перепутала... это была не Ева... кто-то другой...

Жестокая реальность придавила меня всей своей тяжестью. Умом я понимала, что произошло, но осознавать это не хотела.

– Не Ева... слышишь, мама? Это была не она.

Я снова ощущаю боль, которая сразила меня в ту минуту и отчаянную надежду, меня охватывает тягостное и мучительное чувство одиночества.

– Лиз, – такой знакомый и родной голос возвращает меня в реальность, – И давно ты участвуешь в уличных гонках?

Я улыбаюсь уголками губ.

Отец Макса – полицейский, а я, по сути, принимаю участие в незаконной деятельности.

– Уже как год.

Он вздыхает, но ничего не говорит, а я понимаю его без слов.

– Я не хотела, чтобы ты переживал, поэтому и не рассказывала. Ты бы все равно не смог меня переубедить.

– Дурочка ты, Лиззи, – говорит Макс, но с теплотой в голосе.

Я пожимаю плечами. Он прижимает меня к себе, гладит по волосам.

– Это был твой вечер, не жалею о нем. В том, что случилось с Евой, ты не виновата.

Я молчу в ответ, но понимаю, что он прав. Я не могла предвидеть. Не могла предотвратить. И никто из нас не мог... Это случилось и все. Но причины такого шага подруги я понять обязана.

Глава 3

В десять часов утра следующего дня я уже стою на пороге дома Уайтов.

Сад кажется опустевшим: качели, которые так любила Ева, дрожат под слабыми порывами ветра, когда-то красивые и стройные деревья склоняют ветви вниз, будто сочувствуя семейному горю, а листья, еще каких-то несколько дней назад переливающиеся разными оттенками красного и желтого, потускнели, смешались с грязью на сырой земле.

Я несколько раз нажимаю на звонок – в ответ лишь тишина. Понимая, что дом пуст, я открываю дверь своим ключом.

Лишь один шаг за порог: чувствуется тонкий, но отчетливый запах отчаянной тоски и опустошенности. Каждый уголок комнаты, каждый предмет ассоциируется с Ней, навевая воспоминания... они отдаются резкой и в то же время тянущейся болью в груди.

Я не спеша иду к лестнице, глядя только перед собой, звонкий стук каблуков о кафель тихим эхом раздается в безмятежной пустоте. Опомнившись, я останавливаюсь на полпути, снимаю сапоги – не хочу пачкать кафель – и ставлю их в угол коридора.

...Ева, без тебя здесь теперь тихо и пустынно. Раньше этот дом пах свежестью и легкостью, сейчас – пылью и затхлостью, будто он пустует уже много лет. Как странно: здесь холоднее, чем на улице – по телу пробегает дрожь – хотя температура значительно выше.

Я вхожу в ее комнату и замираю на пороге.

Удивительно. Здесь будто ничего не изменилось: книги на столе разбросаны в творческом беспорядке, постель аккуратно застелена, шкафчик приоткрыт, на его дверце висит голубое атласное платье. Лишь светлые шторы закрыты, сквозь них робко пробивается свет.

Наверное, с того дня сюда никто не решался войти.

Здесь сохранилась атмосфера уюта и теплоты, и каждый предмет, принадлежащий ей, источает невидимый свет. У меня возникает ощущение, будто Ева где-то здесь, в доме, и скоро она откроет дверь, войдет в комнату... наденет новое платье, ведь я не видела ее в нем. Наверное, она купила его к предстоящей встрече с Бренденом. Которой не суждено было состояться.

Я снова смотрю на атласную фирменную вещь. Еве всегда шел к лицу голубой цвет...

Минуты идут, часы тикают, а время будто застыло.

Я распахиваю шторы, поправляю кровать, прибираюсь на столе, по несколько минут задерживая в руках некоторые вещи подруги. Книга Де ля Эль «Твоя реальность» – ее любимая. Ева давно советовала мне ее прочитать, но как-то все не было времени...

Я кладу книгу в свою сумку.

Браслеты из бисера, которые мы делали друг для друга в пятнадцать лет, до сих пор красуются в углу маленькой полочки. Под стопкой учебников и книжек лежит толстый блокнот с красивой, но уже потрепанной красной обложкой... Какие записи здесь делала Ева?

Я открываю первую страницу. В глаза сразу бросается число, написанное красивым ровным почерком: двенадцатое июля, две тысячи четырнадцатый год...

Это же... Личный дневник Евы! Она вела его с четырнадцати лет, я знала об этом и даже видела некоторые записи.

Причина... она должна быть здесь, в этой потрепанной книжечке.

Трясущимися руками я перелистываю страницы: нужно найти последнюю запись.

Буквы очень маленькие, записанные в каждой строке, события, уместающиеся в одну или пару страниц, ощущения, эмоции, краски жизни. Или мысли о смерти...

Двенадцатое число, двадцатое, тридцать первое...

Шелест страниц и сбитое дыхание.

Нашла! Месяц: октябрь, год: семнадцатый, число: двадцать первое.

Последнюю запись Ева сделала в день смерти.

Я жадно пожираю глазами строки, но не нахожу того, что ищу... перечитываю снова. И снова.

«...уверена, это один из лучших дней в моей жизни! Сердце учащенно бьется, восторженная радость охватывает с каждой минутой все больше! Он любит... тоже любит... Какая же я глупенькая... но счастье стоит его томительного ожидания...

...думаю, Лиз оценит платье...

... Шон снова вернулся не в духе... »

Я быстро пробегаюсь глазами по предыдущим записям: ни одной пессимистичной мысли, ни одного упоминания о терзающих душу сомнениях и чувств.

Неужели она записывала сюда не все? Но какой тогда вообще смысл вести личный дневник, если не быть в нем полностью откровенной?

Я оглядываюсь. Платье висит на том же месте, я еще не успела повесить его в шкаф. Висит и переливается под лучами осеннего солнца.

Зачем нужно доставать одежду на выход, если не собираешься никуда выходить, и ставишь перед собой цель выпить яд, между прочим, заранее приобретенный?

В голове мелькают мысли и догадки, только слишком быстро – я не могу поймать их! Все не так, как кажется на первый взгляд. Все не так просто...

Я откладываю в сторону дневник и смотрю школьные тетради Евы.

Она сделала домашние задания на понедельник. Да, она сделала их, прежде чем убить себя! Какая в этом логика!? Предположим, по каким-то неизвестным мне причинам Ева решила покончить с жизнью за час до встречи с Бренденом. Но откуда в этом доме мог взяться цианистый калий? Его нужно было приобрести заранее. Почему именно он, а ни, скажем, сильно действующее снотворное? Жизнерадостная девушка твердо решила покончить с собой и целенаправленно приобрела для этого яд?... Ну не могу я в это представить! Люди совершают подобные поступки в секундных эмоциональных порывах, пользуясь подручными средствами, либо уже долго находятся в состоянии депрессии, вызванной какими-то трагическими событиями в жизни, что сразу замечают окружающие. Не могла она улыбаться друзьям, назначать свидания и писать в дневнике подобные записи, планируя самоубийство. Ее глаза горели – до последнего дня.

Меня словно оглушает ударом: с глаз спадает пелена, теперь я способна видеть реальность. Все становится на свои места... Это ведь просто, как дважды два! Не было никакого самоубийства и не могло быть. В стакан воды подсыпали

смертельный яд, от которого сердце девушки остановилось. Какой идиот будет травить себя цианистым калием? Это способ убийства, не более. Полиция должна была об этом догадаться. Ну откуда у школьницы может быть такое вещество? Зачем ей создавать себе сложности, если в аптечке полно снотворного?

Во мне просыпается злость.

Как такое получилось? Полиция умывает руки, а убийца остается безнаказанным.

Нет, так нельзя... не позволю...

– Ева? – произношу я, робко веря в то, что ее душа меня слышит, – Я найду твоего убийцу. Сделаю все возможное и не возможное.

В мыслях всплывает маленькая аккуратная записка. Что насчет прощального письма? Кто-то заставил ее это написать, чтобы ни у кого не возникло сомнений относительно факта самоубийства, или же просто подделал почерк.

Но... подделывать ее почерк умею лишь я. Иногда мы делали задания по определенным предметам друг за друга – вот и пришлось научиться.

Возможно, в письме какая-то загвоздка? Нужно перечитать его снова.

Еще раз внимательно осмотрев комнату глазами ищейки, я кладу в сумку все, что считаю необходимым, аккуратно раскладываю все вещи по своим местам и выхожу из комнаты.

На вызов наверняка приезжали люди Джера Оулдмана – отца Макса. Я обязана с ним поговорить – он порядочный человек, и, уверенна, откроет дело. Остается лишь убедить его в том, что четыре дня назад произошло вовсе не самоубийство...

Спустившись в гостиную, я вижу сидящего за столиком Шона, и, растерявшись, чуть замедляю темп.

Во мне просыпается острое желание молча пройти мимо, но, понимая, что это будет выглядеть глупо, лишь произношу без эмоций:

– Я не слышала, как ты вошел.

Он ничего не отвечает, даже не поворачивается в мою сторону.

На столе стоит уже на четверть пустая бутылка коньяка, Шон отстраненно смотрит в одну точку и машинально вертит в руке стакан.

«Все еще ничего не чувствуешь? Веришь в то, что можешь контролировать абсолютно все!? Всегда держишь эмоции в себе?»

Я хочу прокричать это в лицо Уайту, но молчу.

Нельзя толкать человека в пропасть. Даже если этот человек – Шон. Но я не могу ни чем ему помочь. Или могу... но хочу ли?

– Выпьешь со мной? – хриплый голос, раздавшийся сзади, заставляет меня вздрогнуть.

Нет. Я сейчас же уйду из этого дома и больше никогда в нем не появлюсь.

Но... что-то заставляет меня обернуться, заглянуть ему в глаза и увидеть там бездну.

На самом деле – да, хочу. Алкоголь – не лучшее средство залечивание ран, но действенное.

Я направляюсь обратно, беру стакан, собираюсь налить в него коньяк, но Шон забирает бутылку.

И что это было?

Несколько раз моргнув, я бросаю на него выразительный взгляд.

– Ты только что предложил мне выпить, или я ослышалась?

– Предложил. Но я ведь не думал, что ты согласишься.

Превосходная логика.

– Думаешь, мне должно быть это интересно?

– Не люблю, когда девушки пьют.

– А когда курят? – с моих губ по инерции летят язвительные слова.

Шон обхватывает ладонью мое запястье и тянет на себя – я покорно сажусь на мягкий кожаный диван, озадачено глядя на него.

– Лиззи, побереги свой яд для другого случая, – произносит он.

Я молчу, еще не решив, как ему теперь отвечать. По имени Шон называет меня очень редко, давая этим понять, что хочет по-человечески поговорить.

– Что тебе нужно? – устало спрашиваю я.

Он облокачивается на спинку дивана и закрывает глаза, не отпуская мое запястье.

– Чтобы ты посидела вот тут, рядом со мной, – не громко отвечает он, – В этом доме стало слишком мрачно и пусто.

– Тебе не обязательно здесь находиться, – произношу я.

– Не хочу никого видеть.

Как мне знакомо это состояние... Не хочешь никого видеть и при этом не можешь оставаться один на один со своими мыслями. В такие минуты рядом должен быть близкий человек, который подарит тепло и избавит от боли лишь одним своим присутствием.

Но Уайт – одиночка, он привык рассчитывать только на себя и не подпускать никого близко. Так почему же он хочет, чтобы я была сейчас рядом?...

Эта мысль мелькнула в моей голове, но тут же исчезла. Я снова вспомнила о том, что увидела наверху. Он должен знать. Теперь, когда между нами на время разрушились каменные стены ненависти, я не могу молчать.

– Шон, – наши взгляды встречаются, – Не было никакого самоубийства. Еву убили, понимаешь?

Выражение лица Уайта остается прежним, немного скучающим, будто я говорю о погоде на улице.

– Доказательства?

Его насмешливый и то же время агрессивный тон пугает меня. Он говорит так, будто ничуть не удивлен моему заявлению. Возможно, он считает эту мысль абсурдной?

– Значит, ты думаешь, что она планировала собственное самоубийство задолго до случившегося? Искала метод как можно сложнее и изощреннее... и пришла к мысли: почему бы не проникнуть в ближайшую химическую лабораторию и не украсть там цианистый калий?

Слова прозвучали жестоко и цинично – возможно, постороннему человеку было бы сложно понять, какая боль под ними скрыта.

– Не важно, что я думаю, – говорит Шон, – Это все теория. Где факты?

Уголки его губ поднимаются вверх, но улыбка похожа на гримасу, взгляд пылает. Мне становится не по себе. Возможно, так чувствует себя человек, находящийся неподалеку от действующего вулкана, когда начинает трястись земля, и вот-вот должно произойти извержение.

Что с ним происходит? Зачем он требует от меня доказательств?

Я в растерянности и недоумении смотрю на Шона, чувствую, как начинают трястись руки, дрожать губы.

Чего я ожидала? Понимания? Неужели хотела помочь?

Я отдергиваю руку, запястье которой все еще находится в ладони Шона, и пытаюсь встать.

В этот момент взгляд Шона смягчается.

– Лиззи, сядь и послушай. Два дня назад такие вопросы задавал мне Оулдман, – произносит он.

Осознание услышанного отражается тупой болью в груди.

Значит, Шон понял раньше меня, что произошло на самом деле... А отец Макса не поверил ему. Не может такого быть! Он умный человек и всегда поступает по совести. Возможно, этому есть какое-то объяснение?

Я искоса смотрю на Шона, представляя его реакцию на такое наплевательское отношение к смерти его сестры. Это и меня могло бы вывести из себя, хотя я гораздо сдержаннее Шона в плане проявления негативных эмоций и агрессии.

– Возможно, к человеку, который не являлся регулярным посетителем детской комнаты милиции он прислушается лучше, – произносит он, и, скривив губы, добавляет, – Ну или к будущей невестке.

Последние слова он произносит с особым презрением. Да и когда он успел подумать о нашей с Максом свадьбе, если даже я об этом еще ни разу не задумывалась?

– Что? – переспрашиваю я, надеясь, что ослышалась.

– Что? – произносит он с невинным выражением лица.

Вздохнув, уставшая от его выходок, я откидываюсь на спинку дивана.

– Значит, ему нужны доказательства, – рассуждаю я в слух, – Хорошо! Они будут.

Я поворачиваюсь к Уайту всем корпусом, полная решимости.

– Мы выясним, что произошло в тот день на самом деле.

Мне необходима его помощь, потому что он жил под одной крышей с Евой, видел ее каждый день, имел возможность наблюдать за ее поведением. Если раньше он умел видеть людей насквозь, замечая их слабости и особенности характера, то сейчас владеет этой техникой в совершенстве. У Уайта ужасный характер, он не считается с чужим мнением и плюет с высокой башни на общественные правила и стереотипы, прямолинеен и иногда груб, но, несмотря на это, когда нужно, может прекрасно сойтись с человеком. Помимо этого... Шон видит то, чего не замечают другие: например, детали, которые на первый взгляд могут показаться незначительными, а еще владеет дедукцией. Когда придет время, он сможет определить убийцу.

Уайт подносит бокал коньяка к губам, игнорируя мои слова, его взгляд – отстраненный и помутневший от алкоголя.

– Шон!

Я забираю бокал и ставлю его на противоположный угол столика.

– Это все, что мы можем для нее сделать! – в отчаянии кричу я, сжимая ткань рубашки на его широких плечах.

К глазам подступают слезы. Но я не виню его. Шон потерял единственного человека, с которым был близок. Я думала, после смерти Евы мы перестанем видеться, и он больше не появится в моей жизни, для того, чтобы ее разрушить, но... похоже, этому не суждено случиться. Потому что теперь у нас есть общая цель – найти убийцу.

Очевидно, этот человек был в кругу Ее знакомых, раз смог проникнуть в дом в то время, как она там находилась, еще и подлить яд в стакан.

Мы сможем узнать, кто он, только если объединим свои усилия. Я смотрю на вещи объективно: как бы я ни относилась к Уайту, какими бы ни были наши отношения, суть остается та же – без помощи друг друга мы не сможем совершить задуманное.

Шон смотрит мне в глаза, так пронзительно, будто слушает мои мысли.

– Эта тварь будет жалеть о том, что не оказалась на месте Евы, – произносит он, – Боюсь, если ты будешь на моей стороне, Лиззи, твои белые крылышки испачкаются грязью и кровью.

Меня не пугают его слова и даже подпитывают энергией. Он не знает, насколько сильна моя ненависть к человеку, который лишил жизни его сестру.

– С этим я как-нибудь справлюсь, – произношу я.

В голове крутятся мысли и планы действий. Во мне кипит желание начать поиски прямо сейчас. Только одно беспокоит...

– Брендон, Хлоя и Макс тоже должны знать правду.

– Убийцей может быть кто угодно, – задумчиво произносит Шон, – Понимаешь о чем я?

В памяти возникают образы, мелькают воспоминания. Я уверена, никто из нашей компании не мог причинить вреда Еве.

Но он прав. Логика и факты должны быть на первом месте, а от чувств и личных убеждений лучше избавиться прямо сейчас. Из списка нельзя вычеркивать никого.

Тем не менее... подозревать кого-либо из ребят просто глупо!

– Ты прав, кто угодно. Скажем, ты или... я?

– Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов.

– Внести в список наши собственные имена?

Провокационный вопрос. Но, если задуматься...

– Перестань, – устало произнес Шон, обрывая словесную игру, – Если ты хочешь рассказать друзьям – валяй. У каждого из них есть алиби.

На его губах появляется слабая улыбка, но глаза остаются серьезными.

Два дня прошло с Ее смерти. Первый день – разговор со следователем и принятие решения вести собственное расследование. Следующий – проверка алиби близких друзей Евы. Он действовал, пока я рыдала в подушку и ненавидела дождь. Это заставляет задуматься... и взглянуть на Шона с другой стороны, увидев в нем сильную личность.

– В семь часов я соберу всех дома. Ты тоже должен прийти.

С этими словами я встаю и выхожу из комнаты, не дожидаясь ответа.

Внутри все кипит, мысли путаются.

Продуманное убийство – жестокое и хладнокровное. Гибель молодой девушки, чья жизнь только начиналась. Совершить подобное мог либо псих, либо бесчувственное животное, полное ненависти к миру, способное на все...

Меня не покидает плохое предчувствие. Мы дорого заплатим за свое стремление раскрыть истину.

Но пути назад нет: смертельная игра уже началась...

Глава 4

Полгода назад мы праздновали день рождения Евы. Тогда была очень популярна настольная игра «Кровь и след». По крупичкам создается целая история,

закручивается сюжет, у каждого персонажа в лице игрока – свои секреты и тайны, а карты выдают определенные факты по мере прохождения игры. Суть заключается в том, чтобы разгадать все загадки и найти преступника, которым является персонаж одного из игроков.

Хлоя принесла желанную игру, и после застолья мы сразу достали ее. Игра действительно безупречна: каждый из нас чувствовал себя актером остросюжетного фильма и не замечал уходящего времени.

– Я знаю, кто убийца, – произнес Эван, оглядев нас хитрым взглядом.

Игрок может указать на преступника, если он имеет достаточно фактов и доказательств, или логических домыслов.

– Это произошло в десять часов вечера, в загородном пинт-хаусе. Орудие убийства – железная чаша. Алиби есть у всех, кроме двоих: Марка Лью и КэриМилдмен. Но за полчаса до убийства Марк был замечен в клубе «Белые Гавайи», а оттуда до пинт-хауса как минимум час. Таким образом, Вилл убила Кэри! Какой мотив, спросите вы? Ревность. Она подозревала о связи между Марком и Вилл и таким образом решила устранить соперницу.

Марк – персонаж Брендона, а Кэри – Хлои. Я перевожу взгляд с одного на другого, смотрю, как меняется выражение их лиц.

Итак... решающий момент. Каждый игрок знает какую-то информацию, а из нее и создается цепочка преступления. Верно ли все то, что сказал Энди?

Кто-то из игроков может оспорить или поставить под сомнение информацию, если она противоречива с его собственной. И этим кем-то буду я.

– Ты не учел одного, – произношу с уверенностью, – Алиби нет у троих. Это Кэри, Марк и... ты. Твое присутствие на празднике Ситл с десяти до двенадцати – ложное сведение. Таким образом, у нас остается два претендента. Но ты утаил от нас правду. Помимо этого, твое предположение относительно мотива дает трещину – Кэри сама собиралась уйти от Марка, для нее факт их связи с Вилл был только на руку.

– А у тебя есть мотив! – заявил Макс, – После смерти Вилл наследство ее покойного отца переходит тебе.

– И эти деньги тебе просто необходимы, потому что твое предприятие почти разорилось и ему необходимы материальные средства на восстановление, – добавила Хлоя.

– Информация не оспоримая, – сказал Брендон.

– Убийца – Том! – я торжественно указала на персонажа Эвана.

Преступник раскрыт, игра окончена. Полтора часа определенно прошли не зря. Игра цепляла своей реалистичностью и атмосферностью. Осталось приятное послевкусие.

– Разве человек может убить ради наследства? – задумчиво произнесла Ева.

– Какая ты наивная, – вздохнул Эван, – Конечно может, если он напрочь лишен нравственности. Я читал о таких случаях, причем, не однократных.

– Безумие какое-то, – в ответ покачала головой девушка.

– Сыграем еще раз? – спросил Макс, указывая на игру, и, когда все ответили положительно, произнес, – Я раздаю.

У меня в руках оказалась карточка. Надпись сверху: «укажи время». Я должна прикрепить сюда цифры, разбросанные в центре доски. Что ж. Пусть будет двадцать ноль ноль.

Каждый из нас выложил на карточках цифры или же слова и положил их в мешочек фактов.

Я с нетерпением ждала, когда озвучат новую историю. Это было безумно интересно – проникать в чужой мир, в жизнь интриг и тайн, которая явно интереснее собственной. В тот момент я хотела оказаться в подобной ситуации в реальности: раскрывать преступления, разгадывать загадки, и распутывать клубки интригующих тайн.

– Эй, мы уезжаем, не разгромите дом! – донесся крик Лессы снизу.

– Ты намекаешь на то, что погреб с вином в нашем распоряжении? – поинтересовался Шон, который только что открыл дверь в комнату.

Я напряглась при виде него, а парень на меня даже не посмотрел.

– Ну что, ребятаки, устроим тусовку возле бассейна? – его вопрос больше походил на утверждение, но никто не был против, наоборот, все сразу ринулись вниз.

Я выходила последней, не желая признавать какую бы то ни было идею Шона хорошей.

– Выскочка, – злобно прошептала я, спускаясь по лестнице, и все еще размышляя о недавно окончившейся игре.

Мне казалось, что моя жизнь слишком скучная. Я продумывала разные ситуации, которые могли бы со мной случиться, представляла себя на месте главной героини детективного романа. Как же я ошибалась...

Кофе со взбитыми сливками и пышный круасан, пропитанный карамельной сгущенкой, источающий пряный сладкий аромат, украшают мой уютный письменный столик – но пока я так и не притронулась к недавно приготовленному завтраку.

Раньше я любила заварить горячий чай или капучино из свежих молотых зерен, упасть на мягкое теплое кресло, укутаться в плед и включить любимый сериал или же открыть книгу в красивом толстом переплете. Эти минуты тихого безмолвного счастья я запомню на всю жизнь... Сможет ли когда-нибудь моя душа избавиться от тяжести, которая с недавних пор лежит на ней неподвижным камнем?

Глоток, еще один. Окончательно убедившись в том, что пенка от взбитых сливок и свежий запах книжных страниц больше не могут решить мои проблемы, я начинаю нервно кусать губу и бестолково бродить по комнате в поисках спасения.

Почему я решила назначить встречу именно на семь часов? Почему не на три, не на два? Что я буду делать все эти злосчастные полдня?

Я беру первые попавшиеся под руку листок и ручку, сажусь на бархатный ковер.

Орудие убийства – трудно доставаемый яд. День убийства: двадцать первое октября, час: около семи вечера.

С чего начинать поиски?

Я записываю в столбик пункты.

Осмотр места преступления. Плюс рядом с пометкой.

Я нашла лишь косвенные доказательства того, что самоубийства не могло быть.

Список подозреваемых... С этим сложнее. Кто способен на подобное? У кого был мотив?... Мия? Софи? Томас – владелец ателье, у которого Ева заказывала вещи?

Бессмысленно перебирать имена всех ее знакомых: ни у кого из них не было явного мотива. Разве что Касси... Мы пересекались с ней лишь в школьном коридоре и на уроках биологии, никогда не общались, но на Еву девушка смотрела с плохо скрываемой враждебностью. Я до сих пор не могу понять почему. Ева – сущий ангел, она не то что сделать, даже сказать ничего плохого никому не могла, со всеми была искренней и доброжелательной.

Зато у Касси есть причины не любить меня. Она была влюблена в Макса еще до того, как мы с ним стали встречаться, пыталась привлечь к себе его внимание, общаться с ним ближе. Хотя я ей отчасти благодарна. Ревность открыла мне глаза на истину: я испытывала к Максy нечто большее, чем дружеские чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/trish-veronika/lozh>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)